ГЛАЗАМИ ПОСТОРОННЕГО

Жизнь-метафора

Иду по Тверскому бульвару. Неожиданно фиксирую внимание на табличке «Литературный институт им. А. М. Горького». Впервые в голову приходит мысль осознать увиденное. Не было такого писателя — «А. М. Горький»! Был Алексей Максимович Пешков, творивший под псевдонимом Максим Горький. Но — «Литературный институт им. А. М. Горького»? Понимаю, что вижу перед собой не просто табличку, а метафору, прибитую к стене высшего учебного заведения.

Пытаясь обобщить подобные жизненные наблюдения и продолжая свой путь, вспоминаю юного любителя воздушных путешествий, западногерманского гражданина Руста, посадившего самолет у стен Кремля ровно в День пограничника. Понимаю задним числом, что приземление это также скорее походило на метафору, нежели на реальное событие. Метафору, получившую тем не менее статус уголовного дела.

Философствуя таким образом и внутренне гордясь своей склонностью и умением философствовать, перехожу на Страстной бульвар и попадаю в СТД РСФСР. Там слышу пламенную речь одного из старожилов аппарата ВТО — СТД, направленную против произвола. Оказывается, в одном из российских областных центров невдалеке от Москвы есть хороший режиссер, которого любит вся труппа за исключением одного актера, связанного с верхушкой города. Режиссер — еврей, и местная газета, находящаяся, как утверждает мой собеседник, под влиянием областных властей, ставит под сомнение правомерность постановки инородцем русской классики. И режиссер из-за этого страдает, обижается, взывает о помощи. Ну и что? — искренне недоумеваю я, не понимая, что в этой информации такого принципиально нового и отчего мой уважаемый собеседник столь патетически горячится. Как же, говорит он, по-прежнему гнобят хороших людей, что недопустимо.

Вспоминаю перевод шекспировского названия «Много шума из ничего» и пытаюсь утешить коллегу, говоря, что волноваться не стоит: режиссер-еврей в любую минуту может подать соответствующие документы и отбыть по направлению к Земле Обетованной. Что он там будет делать, упрекают меня, он не хочет жить там, он хочет жить здесь. Хочет жить здесь — пусть живет, соглашаюсь я, но пусть тогда не обижается и не взывает о помощи. Нет проблем: не нравится — уезжай, не хочешь уезжать — приложи усилия, чтоб понравилось. Впрочем, раз наличествует столько переживаний, предлагаю свои услуги в деле написания фельетона на обсуждаемую тему. Фельетон — это хорошо, говорит мне другой старожил, но под фельетоном должна стоять **иная** фамилия. Моя — АПТЕР — не устраивает. Тут, наконец, понимаю, что разговор наш из ранга просто диспута уже давно перешел в область метафорических обобщений, раскланиваюсь и выхожу на свежий воздух.

На свежем воздухе у Пушкинской площади — митинг. Усиленная мегафоном, неразборчиво гремит зажигательная речь демократического оратора. В другой стороне включается другой демократический мегафон. «Говорит депутат Пономарев! — радостно сообщает голос.— Товарищи, дайте нам проехать к площади Маяковского! Все — на площадь Маяковского!». Чтобы не навлечь на себя подозрений в нелояльности, на всякий случай мысленно кричу «ура!» и, пересекая бурлящую, митингующую площадь, попадаю в толпу, альтернативную предыдущей. Здесь народ безмолвствует: разобравшись по парам и эффектно повернувшись к митингующим спиной, чинно продвигается он в сторону праздничного стеклянного здания за канадским «Биг-Маком». Миную и эту метафору.

Спускаясь к Никитским воротам, неожиданно понимаю, что впереди ожидает меня следующая, не менее прелестная метафора: сегодня, в день появления в столице БТРов, демонстрантов, их начальников и вождей, я иду в студию «ЧЕЛОВЕК» смотреть спектакль «ИЛЛЮЗИЯ».

Наблюдая остроумный, искусственно-безыскусный мир, изобретенный режиссером Сергеем Женовачем, забываю о метафоричности жизненных реалий. Вспоминаю о ней лишь после спектакля, когда, идя к метро, вновь попадаю на Тверской бульвар и вижу молчаливых милиционеров, торопливой стайкой возвращающихся после митингового дежурства и исчезающих один за другим в дверях «опорного пункта».

Домой приезжаю поздно, включаю телевизор. Симпатичная дикторша сообщает презанятнейшую новость. «Сегодня,— говорит она,— все прогрессивное человечество отмечает День независимости Сенегала». Неприкрытая метафоричность данного сообщения настолько очевидна, что телевизор выключаю сразу, устав от метафор...

Срок моей выездной визы истекает 20 июня. Я уже не верю в погромы, голод и гражданскую войну. Я не думаю, что там будет лучше, чем здесь. У меня нет профессии и нет богатых родственников. У меня есть сын, но я не разделяю общепринятой аргументации будто уезжать отсюда стоит уже хотя бы из-за будущего детей. Никому не дано знать, где потеряешь, где найдешь. Уезжать — страшно, кто бы только знал. И я не хочу уезжать. Но я уеду. Меня никто не гонит отсюда. И никто не зовет туда. Я уезжаю потому, что уезжаю. И все. Финита ля метафора.

Юрий АПТЕР.